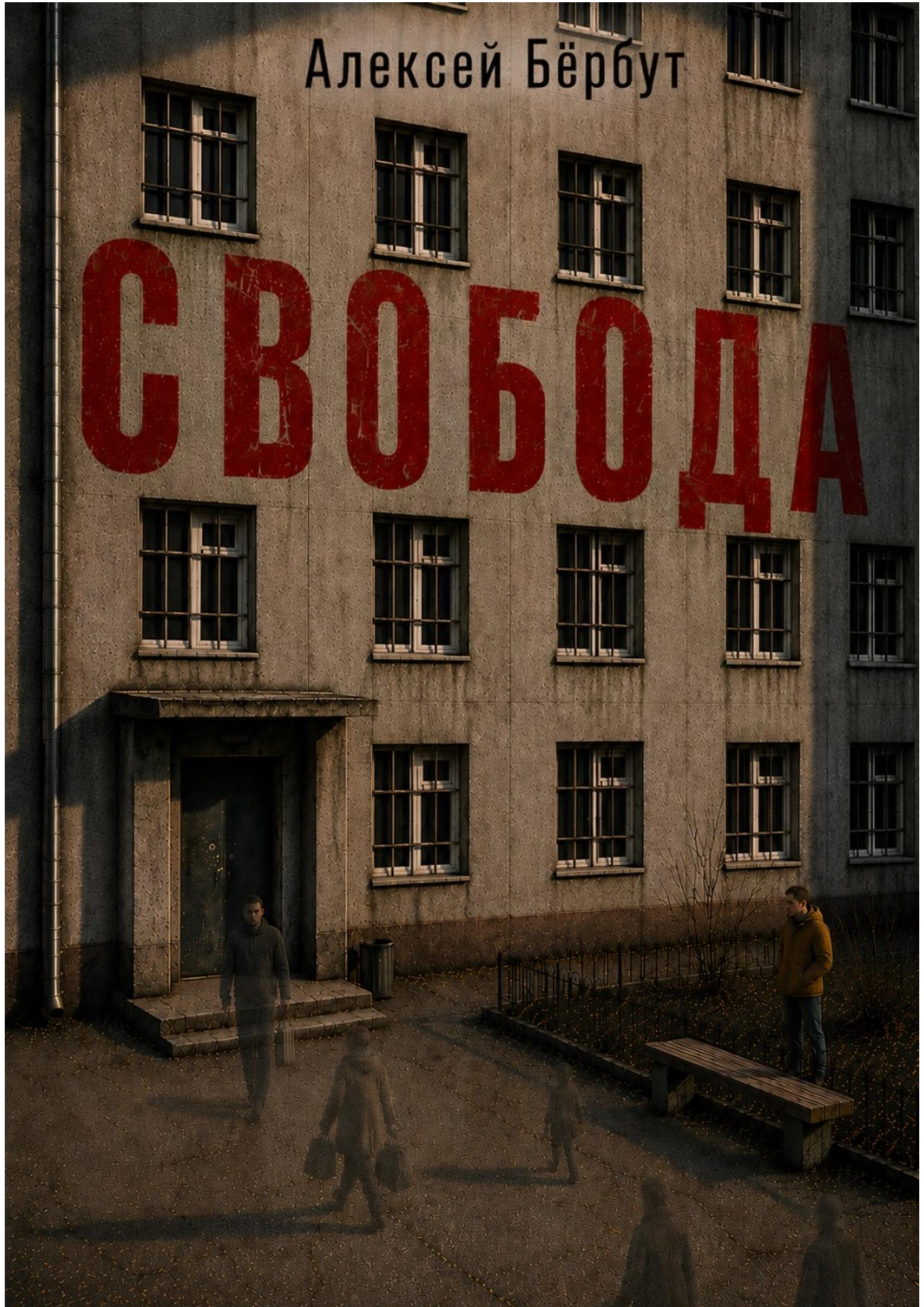

Алексей Бёрбут

СВОБОДА

Алексей Бёрбут

Свобода

«Автор»

2026

Бёрбут А.

Свобода / А. Бёрбут — «Автор», 2026

Возможность выбирать? Право говорить то, что думаешь? Право жить так, как считаешь правильным, даже если весь мир требует от тебя другого? Артём живёт в мире, где никто не носит цепей и никто не запирает людей в камеры. Но большинство окружающих давно отказались от собственной свободы добровольно. Они идут привычными маршрутами, повторяют чужие мысли, боятся задавать вопросы и называют это нормальной жизнью. Когда одна случайная встреча заставляет его посмотреть на мир иначе, Артём начинает путь, который меняет всё. «Свобода» — повесть о выборе, личности и цене независимости. Это история борьбы за право оставаться собой в мире, где гораздо удобнее быть частью толпы. Для читателей, которым близки социальная фантастика, антиутопии и книги о свободе личности и современном обществе.

© Бёрбут А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Свобода	Часть первая	Отрицание	Глава первая	5
	Глава вторая			9
	Глава третья			14
	Часть вторая	Гнев	Глава четвертая	18
	Глава пятая			22
	Глава шестая			29
	Конец ознакомительного фрагмента.			30

Свобода

Свобода Часть первая Отрицание Глава первая

Артём сидел перед экраном и какое-то время просто смотрел на него, не двигаясь. Не потому, что не знал, что делать. Наоборот — потому что всё уже было сделано.

Он проверил логи. Потом проверил их ещё раз — медленно и методично, без спешки. Сверил записи с резервными копиями. Поднял архивы. Прогнал контрольные цепочки. Проверил периферию: внешние каналы, внутренние — всё, что могло дать сбой. Всё, что могло солгать. Но он ничего не нашёл — всё было идеально.

Артём откинулся на спинку кресла, выдохнул, потом поймал себя на том, что недовольно сжимает челюсть, — и медленно разжал её.

— Значит, не здесь, — сказал вслух и тут же поморщился. Он терпеть не мог разговаривать с техникой. Потому что это всегда означало что что-то пошло не так.

Артём запустил симулятор и ввёл исходные данные — те же самые, что видел в логах, ничего не добавляя и ничего не убирая. Нажал «Запуск». На экране зазмеились кривые линии. Сначала ничего не произошло. А потом...

Артём не сразу поверил в то, что видит. Он даже подался вперёд, прижавшись к столу, чтобы убедиться, что это реально. Осознание накатило постепенно — тяжело и холодно, как вода, просачивающаяся за воротник. Это была не ошибка. Это была катастрофа.

В определённый момент часы рассинхронизировались. На микроскопические величины, которые невозможно заметить взглядом. Но именно по этим часам сверяют свои действия все самые важные системы современного мира. Часы, по которым работают биржи. По которым банки подтверждают операции. По которым в Лондоне, Москве и Нью-Йорке считают, что «сейчас» — это одно и то же «сейчас».

Они перестали показывать одно и то же время. Артём сглотнул.

Если бы это произошло на самом деле, никто ничего бы не понял сразу. Не было бы взрыва, не было бы сигнала тревоги. Просто в какой-то момент всё перестало бы совпадать само с собой.

Заключённые контракты оказывались бы подписанными слишком рано или слишком поздно — в зависимости от того, с какой стороны бы на них смотрели. Формально всё было бы правильно — фактически ничего не сходилось. Биржи бы не рухнули. Они начали бы расходиться во времени. Сделки есть, а свести их невозможно. Платежи отправлены, но до адресата не смогут дойти никогда.

А дальше всё бы вышло за пределы финансов. Логистика. Системы доступа. Службы управления.

Пустые полки магазинов. Неработающие кассы.

Потом это ударило бы по энергетике. Города начали бы мигать — не метафорически, буквально. Электричество — это тоже договор. Когда он нарушается, одни узлы считают, что напряжение нужно подать, а другие — сбросить. Районы, кварталы, целые мегаполисы загорались бы и гасли, как рождественская гирлянда, у которой кто-то дёргает провод.

Сначала выгорала бы мелочь — техника в домах: утюги, холодильники, компьютеры. А потом начали бы выходить из строя системы жизнеобеспечения: энергоснабжение больниц, насосные станции, системы вентиляции.

Потом и власть начала бы запаздывать. Решения приходили бы слишком поздно — или слишком рано. Связь не работала бы, отчёты не доходили. Координация бы рассыпалась на глазах.

И никто не понимал бы, что делать.

Недовольство копилось бы медленно, как давление под крышкой скороварки. Сначала раздражение, потом злость, потом паника. Когда не работает больница, когда не приезжает полиция, возникает ощущение, что помощи ждать неоткуда. Массовые беспорядки были бы вопросом времени — не идеологии, усталости. Люди начали бы действовать сами, потому что помощи ждать больше не от кого.

Это был бы глобальный паралич. Катастрофа была бы страшна не силой, а своим размахом, и тем, что её невозможно было бы быстро остановить.

Артём провёл рукой по лицу, будто пытаюсь стереть увиденное. Он знал: это не фантазия, а цепочка неизбежных событий. Одно вытекало из другого — логично и неизбежно.

Он остановил симуляцию. Экран вернулся в исходное состояние: спокойный, нейтральный, почти насмешливый.

— Хорошо, — тихо сказал он сам себе. — Хорошо, что этого не случилось.

Потом Артём запустил симулятор пошагово. Он начал искать точку, где всё изменилось. Где цепочка, ведущая к катастрофе, внезапно оборвалась. И нашёл.

В одном месте всего один параметр был изменён. Почти незаметно. Артём проверил ещё раз. Этот параметр не входил в его зону ответственности. Он вообще не входил в стандартные сценарии. Более того: даже если бы Артём сидел здесь в тот момент, даже если бы смотрел прямо на экран, он бы не успел. Не хватило бы ни скорости, ни реакции. И главное — он бы не знал, что именно нужно изменить.

Способ был слишком красивым. Элегантным. Абсолютно неочевидным. Такое можно придумать только заранее.

Артём почувствовал, как по спине пробежал холодок — короткий, резкий, почти неприятный. Не страх. Скорее ощущение, что он смотрит на чужую мысль. Мысль, которая не могла бы родиться в его голове.

Он откинулся назад. Кресло тихо скрипнуло под его весом.

— Кто? — выдохнул Артём, сам не заметив, что задал этот вопрос вслух.

Артём встал, прошёл по коридору и свернул в соседний сектор. Там, как всегда, царила суета — и в центре её сидел Денис. Он, как обычно, что-то ел: пластиковый контейнер, вилка, крошки на столе. Одновременно разговаривал сразу с двумя людьми и кому-то махал рукой. Вокруг Дениса всегда кипела и бурлила жизнь.

— О, — сказал Денис, заметив Артёма. — Ты чего такой? Как будто сервера с тобой развелись.

— Скажи, — начал Артём, даже не поздоровавшись, — ты сегодня что-нибудь делал?

— Я? — Денис хохотнул, отправляя в рот кусок бутерброда. — Пожрать считается? А чего ты спрашиваешь?

— Ты ничего не трогал? — Артём стоял, не присаживаясь. — Утром? Совсем?

— Нет. Ни я, и никто другой, — сказал Денис уверенно, не переставая жевать. — Если бы кто-то, что-то трогал, я бы знал. Даже если бы это были инопланетяне. У нас и на такие случаи журнал имеется.

Потом он посмотрел на Артёма внимательнее.

— А ты что ищешь?

Артём молча показал экран ноутбука. Денис сначала смотрел рассеянно, лениво скользая взглядом по строкам. Потом замолчал. Жевать перестал. Снова пролистал назад, затем вперёд.

— Странно, — сказал он наконец. — Странно, но не страшно.

— Почему не страшно?

— Потому что, если бы было страшно, — Денис пожал плечами, — оно бы уже где-то вылезло. Визжала бы сирена. Всё вокруг бы ломалось. Кто-нибудь бы орал.

— А если нет?

— Тогда всё так как и должно быть, — фраза прозвучала легко. Почти весело.

— А ты уверен, что этим никто не управлял? — Артём придвинулся ближе, не сводя глаз с лица Дениса.

Денис прищурился.

— Это ты сейчас к чему?

— Просто спрашиваю.

Денис посмотрел на него секунду дольше, чем нужно. В его взгляде мелькнуло что-то новое — настороженность.

— Слушай, — сказал он наконец, отложив вилку. — Есть куча процессов, которые идут сами по себе. Мы за ними просто присматриваем. Нам за это деньги платят. Они не требуют вмешательства. Они просто... работают, — Денис закрутил пальцем в воздухе, изображая вращение шестерёнок.

— Но кто-то же их придумал? — настаивал Артём.

— Конечно, — кивнул Денис. — Кто-то, когда-то. Но не мы, — он улыбнулся, будто это должно было успокоить. — Артём, если честно, ты сегодня какой-то... — он поискал слово, — слишком напряжённый.

— Я нормальный, — ответил Артём автоматически.

— Вот именно: ты нормальный, и всё вокруг тоже нормально, — подхватил Денис и снова взялся за вилку. — А значит, всё в порядке.

Разговор закончился так же легко, как и начался. Денис снова смеялся, что-то рассказывал, жестикулировал. Но Артём уже не слушал. Он отошёл на пару шагов и понял, что не получил ответа. Он получил объяснение, в котором его вопросу просто не осталось места.

К Вадиму Артём пошёл не сразу. Не потому, что не доверял — как раз наоборот. Вадим был из тех людей, к которым идут, когда идти больше не к кому.

Вадим сидел на своём месте, как всегда, чуть в стороне. Мониторы, чашка с давно остывшим кофе.

— Есть минутка? — спросил Артём.

Вадим кивнул, не поднимая головы. Артём сел рядом. Несколько секунд он молчал, подбирая формулировку.

— Скажи, — наконец начал Артём, — Чисто теоретически...

Он замолчал и поморщился.

— Мог ли кто-то повлиять на систему извне?

Вадим поднял взгляд. Он осмотрел не на Артёма, а чуть мимо, как будто проверяя вопрос на прочность.

— Снаружи? — переспросил он.

— Да.

Ответ последовал почти сразу.

— Нет.

Спокойно и уверенно. Так говорят «нет» тогда, когда обсуждать просто нечего.

— Вообще? — уточнил Артём.

Вадим слегка пожал плечами.

— Управление такого уровня физически отсоединено. Не в смысле «хорошо защищено», а в смысле — туда просто неоткуда прийти. Нет входа. Ни прямого, ни обходного.

— Даже если представить, — продолжил он, — Что кто-то очень умный и очень настойчивый попробовал бы...

Вадим покачал головой.

— Нет. Это не взлом. И даже не попытка.

— То есть, — медленно сказал Артём, — Если что-то изменилось...

Он не закончил фразу.

— Значит, это не «кто-то», — спокойно сказал Вадим.

Помолчали. Артём смотрел на экраны Вадима, не видя, что там. Он знал, что сейчас задаст второй вопрос. И знал, что вопрос ему уже не нравится.

— Слушай, — сказал он, — Вот ещё.

Артём понизил голос, хотя вокруг и так никто не слушал.

— Теоретически. Может существовать какая-то система...

Он снова замолчал, недовольный тем, как глупо это звучит.

— Что-то вроде автоматического контроля. Не нашего уровня. А выше. Которая сама...

ну...

Он сделал неопределённый жест рукой.

— Подправляет. Если что-то идёт не так.

Вадим посмотрел на него внимательно. На этот раз — прямо.

— Ты про что сейчас?

— Я не знаю, — честно сказал Артём. — Просто спрашиваю.

Несколько секунд Вадим молчал. Потом тихо усмехнулся — не насмешливо, а скорее удивлённо.

— Если бы такая система существовала, — сказал он, — Я бы знал.

— Уверен?

— Абсолютно.

Он откинулся на спинку стула.

— Во-первых, — продолжил он, — Её невозможно было бы спрятать. Не технически — организационно.

— А, во-вторых, — он чуть приподнял брови, — Она стояла бы дороже, чем вся наша контора. Включая здание, технику и нас с тобой в придачу.

Артём криво усмехнулся.

— То есть, — сказал он, — Если что-то исправилось...

— То это сделали мы, — закончил Вадим. — Или это вообще не требовало исправления.

Сказал это без нажима. Как очевидность.

— Спасибо, — сказал Артём и встал.

Вадим посмотрел ему вслед.

— Артём, — сказал он негромко.

Артём обернулся.

— Ты ищешь не там.

— А где? — спросил Артём.

Вадим чуть заметно пожал плечами.

— Не знаю. Но точно не снаружи.

Глава вторая

Лена появилась ближе к вечеру. Артём услышал её раньше, чем увидел — лёгкие шаги, пауза у двери, как будто она на секунду задумалась, стоит ли заходить.

— Артём, — сказала она спокойно. — Ты не забыл про отчёт?

— Нет, — ответил он. — Просто... ещё думаю.

Лена кивнула. Она осталась стоять чуть в стороне, опираясь на край стола, и листала что-то в планшете. Всё в ней было привычным, рабочим, правильным — голос, интонация и даже паузы между словами.

— Я понимаю, — сказала она. — Но нужно закрыть инцидент сегодня.

«Закреть» — слово было мягкое, заботливое. Как крышка, которую аккуратно кладут сверху, чтобы содержимое не пылилось.

— Ты смотрела утренние логи? — спросил Артём.

— Нет, — ответила Лена. — Это не моя зона ответственности. Я по формальной части, ты же знаешь. Но ты же всё проверил, верно?

Он ответил не сразу. В комнате было тихо. Было слышно, как за стеной шёл спор, голос спорящего звучал уверенно, и в нём сквозила усталость человека, повторяющего все пятый раз кряду.

— Проверил, — сказал он наконец.

Лена снова кивнула.

— Тем более. Отчёт — и всё. Мы зафиксируем нашу версию, отправим, и на этом всё закончится.

— Версию? — переспросил он.

Лена посмотрела на него недовольно.

— Ну... формулировку. — Она пожала плечами. Лена говорила, с ним как с человеком, который задержался после работы дольше остальных из-за переработки.

Артём отвёл взгляд к экрану. Курсор мигал в пустом документе, отсчитывая секунды.

— А если... — начал он и замолчал, но потом всё же договорил — Если формулировка не совсем точная?

Лена опять нахмурилась — так, как когда слышат что-то неуместное.

— Артём, — сказала она мягко, — Точность — понятие относительное. Просто сделай отчет, ладно?

Она посмотрела на часы.

— Я тебя не тороплю. Просто напоминаю. — Потом добавила, — Ты всегда хорошо пишешь отчёты.

Артём остался один. Он смотрел на пустой документ и чувствовал, как усталость медленно догоняет его. Писал Артём медленно. Не потому, что не знал, что писать, а потому что каждое слово приходилось пропускать через внутренний фильтр.

«В ходе анализа...»

Написал и стер.

«В результате комплексной проверки...»

Оставил. Потом снова стёр. Он поймал себя на том, что выбирает формулировки не по точности, а по степени сглаживания. Сухие, не требующие продолжения.

Редкий случай. Совпадение факторов. В пределах допустимых погрешностей. Фразы ложились ровно, красиво, одна к одной.

И тут он остановился. Пробежал глазами текст. Всё было правильно. Но именно это не давало поставить точку. Артём вернулся к тому месту, где описывался момент реакции

системы. Где нужно было написать что-то нейтральное. И написал одну фразу. Короткую. Без выводов. Она просто фиксировала факт. «Изменение параметра произошло вне зафиксированных пользовательских действий. Механизм предотвращения последствий инцидента установить не удалось».

Артём почувствовал, как внутри что-то неприятно ёкнуло — будто он сделал шаг туда, куда не собирался. Но уже не смог стереть эту строку. Просто потому, что в этот момент понял, что если её убрать, документ перестанет описывать то, что он видел. А значит — перестанет быть правдой.

— Чёрт с ним, — пробормотал Артём.

Он оставил фразу там, где она была. Как царапину, которую видно только если знаешь, куда смотреть. Когда письмо ушло, Артём поймал себя на странном ощущении — будто он сделал что-то важное, но не смог бы объяснить, что именно.

Сергей Владимирович вызвал его на следующий день. Его кабинет был таким, каким и должен быть кабинет человека, который давно не доказывает, что он начальник. Без лишних вещей. Без фотографий семьи, наград и дипломов, без напоминаний о прошлом.

— Садись, Артём, — сказал он, продолжая что-то читать. — Сейчас.

Артём сел.

Некоторое время в кабинете было тихо.

— Я сегодня видел твой отчет. Отчёт конечно хороший, — сказал наконец Сергей Владимирович. — По делу. Но есть одна фраза. Небольшая.

Он провёл пальцем по экрану и прочитал вслух, — «Изменение параметра произошло вне зафиксированных пользовательских действий. Механизм предотвращения последствий инцидента установить не удалось».

— Мне она не нравится.

Артём открыл рот, но начальник мягко поднял ладонь.

— Я не говорю, что она неправильная. Я говорю, что она... неуместная.

Он чуть улыбнулся.

— Слишком много пространства для интерпретаций.

Артём почувствовал знакомое напряжение где-то под рёбрами. То самое, которое возникает, когда вроде бы ещё ничего не произошло, но уже понятно, дальше всё будет зависеть не от фактов.

— Я написал то, что видел, — сказал он. — Я не мог...

— Я знаю, — перебил Сергей Владимирович так же спокойно. — И именно поэтому я тебя и позвал. Давай подумаем, как это читается, Артём. Не тобой и не мной.

Артём промолчал.

— Эти отчёты смотрит руководство, — продолжил начальник. — Люди, которым важно знать, что мы все контролируем.

Он сделал паузу.

— А когда в отчёте появляется формулировка «вне пользовательских действий», возникает вопрос. — усмехнулся Сергей Владимирович. — Чьих тогда действий, Артём?

Артём открыл рот, но начальник продолжил:

— Что это значит? Что система сама что-то сделала? Или что у нас незафиксированное влияние третьего лица? Или, может, у нас тут завёлся... — он слегка повёл плечом, — Призрак?

Это прозвучало без сарказма, почти добродушно.

— Ты же понимаешь, — добавил Сергей Владимирович. — Возникает ощущение, что это не мы управляем процессами, а они — нами.

— Но, если не фиксировать такие вещи... — начал Артём и сразу сбился. — Может быть, как раз наоборот, стоит привлечь внимание, разобраться?

Сергей Владимирович посмотрел на него чуть дольше обычного.

— Артём, — сказал он спокойно, — У нас нет задачи разобраться в инцидентах.

Он произнёс это спокойно, без давления.

— Наша задача — следить, чтобы система работала. Сейчас она работает и значит всё в порядке.

Потом он откинулся в кресле.

— Инцидент закрыт. Мы к нему не возвращаемся. Я не прошу тебя переписывать отчёт, — сказал Сергей Владимирович, заканчивая разговор. — Он уже ушёл. Просто на будущее... избегай подобных формулировок, договорились? Особенно в рабочих документах. Ты хороший специалист, Артём. И мне бы не хотелось, чтобы ты тратил силы на вопросы, решение которых ни к чему не приведёт.

На следующий день, после обеда к нему снова пришла Лена. Артём заметил её только тогда, когда она уже стояла рядом, с планшетом в руках.

— Артём, — сказала она тихо. — У тебя есть минутка?

Он кивнул.

— Я по вчерашнему отчёту, — продолжила Лена.

— Всё нормально? — спросил он.

Она помолчала, потом добавила мягче:

— Смотри. Инцидент закрыт, но после проверки получается, что в данных ничего нет. При этом осталась твоя фраза «механизм предотвращения последствий инцидента установить не удалось». Если завтра кто-то спросит: «На основании чего это написано?» — ответить будет нечем.

Она чуть наклонила голову, и развернула планшет так, чтобы он видел экран.

— Вот здесь, — сказала Лена. — Эта формулировка. Она... необычная.

— Но она точная, — сказал Артём.

— Так в данных этого нет! — повторила она.

— Я написал то, что видел, — твёрдо сказал он.

— Я знаю, — ответила Лена сразу. — И я ориентировалась на твои слова. Послушай, никто не считает тебя неправым. Никто никого не обвиняет, ты просто ошибся.

— Если данные не совпадают с моим отчетом, значит они были изменены, — упрямо настаивал Артём.

Лена вздохнула в ответ, почти незаметно.

— Артём, — сказала она, — Ты же понимаешь, что так не бывает. И потом, не надо героизировать, в конце концов мы не истину ищем. Мы просто соблюдаем формальности. Поэтому просто успокойся и поймешь, что я права. Я зайду ближе к вечеру.

Как только Лена ушла, Артём выкачал вчерашние данные и снова запустил симуляцию.

— Ладно, — подумал он. — Посмотрим ещё раз.

Он делал всё так же. Те же шаги. Просто повторил. Но ничего не произошло. Процесс прошёл ровно, спокойно, никакого расхождения уже не было. Артём почувствовал, как внутри поднимается раздражение.

— Привет! Чем занимаешься? — прозвучал рядом голос Дениса.

Артём вздрогнул и обернулся. Денис стоял у соседнего стола, с кружкой в руках. Выглядел он, как всегда, спокойно и насмешливо.

— Да хотел кое-что проверить — сказал Артём.

— Проверил? — спросил Денис без особого интереса.

— Слушай... — начал Артём. — Помнишь вчера я тебе показывал данные?

Денис задумался. На секунду задержал взгляд, как человек, который перебирает в голове несколько похожих дней.

— Ну... да, — сказал он неуверенно. — Ты что-то показывал.

— Но ты же видел, — сказал Артём. — Там были странные изменения.

— Были? — Денис поморщился. — Слушай, я помню, что ты волновался. Но если честно... я тогда больше на тебя смотрел. Ты был уверен, я и решил, что да, что-то есть.

— Денис, — сказал Артём. — Ты же тоже это видел!

Денис моргнул.

— Что?

— Данные! Ты тоже их смотрел. Ты же еще пересмотрел внимательно.

— Артём, — сказал нехотя Денис. — Я тебе только что сказал, что глянул мельком. Ну да, что-то там было, но ты себя ещё накрутил. Сейчас же всё нормально?

— Сейчас — да, — сказал Артём. — А вчера — нет.

В голосе Дениса появилось раздражение.

— Слушай я не хочу в это лезть, — сказал он. — У тебя проблемы — ты их и решай.

Вадим был у себя, среди экранов, и выглядел, как всегда, не от мира сего.

— Вадим, — сказал Артём. — Можно тебя на минуту?

— Да, — отозвался тот, не сразу отрываясь от работы. — Что случилось?

— Я понимаю, что это неважно, — сказал Артём. — Но здесь задет вопрос моей профессиональной репутации.

Вадим повернулся к нему.

— Ты про вчерашний инцидент? — спросил он.

— Да, — сказал Артём. — Ты помнишь, я к тебе приходил.

— Помню.

— Так вот... — Артём сделал паузу. — Логи изменились. Теперь получается, что в системе ничего такого не было. А мой отчёт остался.

Вадим нахмурился.

— Подожди, — сказал он. — В смысле изменились?

— В прямом, — ответил Артём. — Я сегодня утром опять просмотрел данные. Всё чисто. Никаких расхождений.

— Так скачай данные за вчерашний день из системы ещё раз, — сказал Вадим. — Там всё и будет.

— Так в том-то и дело, — сказал Артём. — Именно их и я смотрел. Они теперь другие.

Вадим замер.

— Ты сегодня их сам выкачивал? — спросил он медленно.

— Сам.

Вадим несколько секунд смотрел на него, не моргая. Потом его лицо изменилось — не резко, но заметно. Исчезла привычная уверенность.

Артём... — сказал он осторожно. — Ты понимаешь, что ты сейчас говоришь? Это невозможно!

— Денис поднял меня на смех, — усмехнулся Артём. — И ты туда же?

— Нет, — Вадим покачал головой. — Я не в этом смысле. Теоретически — да, конечно, возможно. Более того, я сам знаю, как это сделать.

Он сделал паузу.

— Но системы нашего уровня так не работают. Эти логи формируются не сами по себе. Они сверяются со всей историей — с первой минуты запуска. Всё должно сходиться: временные метки, вторичные процессы, контрольные суммы. Чтобы изменить информацию, нужно

переписать не один файл. Нужно подготовить данные за все годы работы системы. За каждую секунду. По десяткам параметров. И всё это должно логично приводить к той картине, которую мы видим сейчас.

Артём слушал, чувствуя, как внутри нарастает холод.

— Это колоссальный объём работы, — продолжил Вадим. — На это ушли бы недели. Месяцы. И при этом пришлось бы отключить часть системы, оставляя без контроля множество процессов. За ночь никто бы этого не сделал. И уж точно никто не стал бы этого делать ради одного инцидента. И прости, без обид, ладно? Но и не ради того, чтобы тебе насолить. Если честно, то что ты сейчас говоришь звучит как паранойя.

Артём кивнул.

— Я понял, — сказал он.

Вернувшись на своё место, Артём сел и долго смотрел в экран. Если Вадим прав, а Вадим редко ошибался, кто-то сделал невозможное.

Глава третья

Артём проснулся раньше будильника. Мысли пришли сразу, как будто никуда и не уходили. Было ощущение застрявшего в ботинке маленького камешка, но такого с которым невозможно идти дальше.

— В системе есть что-то, что умеет хорошо прятаться. Но как это найти?

И тут Артём понял, что просто не там искал.

— погоди все просто до банальности! То, что происходит там, куда обычно не смотрят, будет оставаться незамеченным сколько угодно, и подчищать там незачем. Не надо искать аномалию, нужно посмотреть на то, на что обычно вообще не смотрят. Как я раньше не подумал об этом, это же очевидно! Никаких сложных алгоритмов, просто запись.

Артём открыл рабочие заметки и начал набрасывать схему. Не код — логику. Какие параметры считаются вторичными и не учитываются. Их оказалось больше, чем он ожидал. Артём смотрел на список и ловил себя на ощущении что перебирает не физические показатели, а слепые пятна.

В офисе неожиданно начались странности. Артём заметил это не сразу. Только к обеду он окончательно осознал, что его постоянно отвлекают. Будто между делом.

— Слушай, мы сегодня после работы в бар идём, пойдёшь?

— А ты не видел, где тут...

— Ты же разбираешься, глянь на минутку.

В другой день он бы даже не обратил на это внимания. Но сегодня мелочи накладывались одна на другую, мешая и не давая сосредоточиться. Он отказывался, кивал, отмахивался, и снова ловил себя на том, что потерял нить.

В какой-то момент рядом кто-то сел и начал рассказывать длинную, путаную историю — без начала и конца. Артём слушал, и думал о том, сколько времени уходит впустую.

Что его зовут, он понял не сразу. Начальник стоял у прохода между столами и смотрел прямо на него.

— Артём, — сказал он без приветствия. — Ты в последнее время странно работаешь. Ты стал рассеянным, постоянно чем-то занят, но результата я не вижу. Все говорят, ты стал нервный. У тебя всё в порядке? Потому что, если нет, это начинает сказываться на работе.

Артём растерялся.

— Да вроде всё как обычно, — выдавил он наконец из себя.

Сергей Владимирович кивнул.

— А сейчас надо работать усердно, а не как обычно. Программное обеспечение у нас высококлассное. Если каждый начнёт его проверять и перепроверять, мы получим хаос. Поэтому, я решил тебя немного загрузить... и одновременно отвлечь от всякой ерунды которой ты занят.

— Вот участок, — он положил на стол папку. — Сроки жёсткие. Посмотрим, как ты с этим справишься.

Артём поймал себя на том, что злится. Все выглядело так будто ему целенаправленно не дают разобраться в произошедшем.

— Хорошо — подумал Артём, — Если мне не дают сделать этого днем, я сделаю это ночью.

Вечером он вместе со всеми вышел из офиса. Дома даже не стал переодеваться. Поставил чайник, сел за стол, открыл ноутбук, и начал писать — спокойно, без излишеств. Небольшую

программу-наблюдателя. В офис Артём вернулся поздно. Охрана пропустила без вопросов. Ночная смена знала его в лицо.

Внутри здание жило своей жизнью. Коридоры казались длиннее, а комнаты — объемнее. Артём сел за своё место и включил рабочую станцию.

— Ладно, — сказал он тихо. — Давай.

Он не ждал результата, скорее наоборот — рассчитывал, что ничего не произойдёт. Что он просто посидит, посмотрит на пустой экран, убедится, что всё было надуманным — и уйдёт. Минуты шли. Все было нормально.

И тут Артём услышал шаги. Мягкие, неуверенные, как будто человек шёл не вполне решившись.

— Кто здесь? — спросил он, скорее автоматически.

— Я, — последовал тихий ответ.

Лена.

Артём не столько удивился, что она здесь, а тому, как именно она это сказала. Без своей обычной собранности, без деловой интонации. Почти неловко.

— Ты чего так поздно? — спросил он ошарашенно.

— А ты? — ответила она и вышла из полумрака.

На ней был плащ. Не офисный, в котором она обычно ходила днём, а тонкий, светлый. Лена остановилась у стола, не подходя слишком близко, но и не на расстоянии.

— Я увидела, что у тебя горит свет, — сказала она. — Решила проверить. Вдруг что-то срочное.

Артём кивнул, хотя понимал, что это не объяснение. Лена никогда раньше так не делала. Никогда не приходила «просто проверить». Да еще и среди ночи.

— Да, — сказал он. — Разбираюсь кое с чем.

— Я знаю, — сказала она.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— В смысле?

— В смысле... — она замялась, подбирая слова. — Ты сегодня был такой... напряжённый. И с Денисом, и со мной. И у Сергей Владимировича.

Это было сказано странно, с несвойственными Лене интонациями.

— Я просто устал, — сказал Артём.

— Все устали, — ответила она и вдруг мягко улыбнулась. — Но не все остаются ночью в офисе.

Она сделала шаг ближе. Совсем небольшой. Настолько, что его нельзя было назвать вторжением. Это было скорее предложение.

— Знаешь, — сказала она, — Иногда полезно... отвлечься.

Он почувствовал, как внутри поднялось напряжение другого рода. Неприятное именно тем, что оно было понятным и совершенно неуместным в данной ситуации.

— Лена, — сказал он осторожно, — Если ты о чём-то конкретном...

— Я о жизни, — перебила она легко. — Она вообще довольно конкретная штука.

Лена расстегнула плащ. Как человек, которому стало жарко. Под плащом оказалось бельё — светлое, слишком уж прозрачное для случайности. И чулки.

Артём отвёл взгляд почти сразу

— Лена, — сказал он уже жёстче. — Стоп.

— Почему? — спросила она спокойно. — Мы же взрослые люди. Никто никому ничего не обещает. Никаких обязательств.

Она говорила это так, будто готовила фразы заранее и предварительно заучила их со своей привычной аккуратностью.

— У меня есть девушка, — сказал Артём.

— Ну и что? — Лена пожала плечами. — Это же не навсегда. Да и вообще... в жизни всё надо попробовать.

— Лена, ты сейчас вообще не похожа на себя, ты меня пугаешь. — ответил Артём.

Лена усмехнулась.

— А ты уверен, что знаешь какая я на самом деле? Может, я просто раньше была не совсем честной?

Она подходила всё ближе. Теперь уже настолько, что он чувствовал запах её духов — лёгкий, манящий и непривычный.

— Ты слишком серьёзный, Артём, — сказала она, ласково дотрагиваясь прохладными пальцами до его щеки. — Всё время что-то доказываешь, ищешь. А можно просто... отпустить.

Он встал.

— Прости, — сказал Артём со всей твердостью на которую был способен. — Но нет.

Он старался говорить мягко, и именно это было сложнее всего.

Несколько секунд Лена молчала. Потом её лицо изменилось. Не резко, а как медленно соскользнувшая маска.

— Значит, так? — сказала она. — Я, получается, перед тобой тут... раскрываюсь. А ты? В голосе появилась резкость, а на лице — гримаса ярости.

— Я пришла к тебе по-человечески. А ты меня отшвыриваешь, как...

Она не договорила.

— Лена, — сказал Артём, — Это не из-за тебя. Это вообще не связано с тобой!

— Конечно, — перебила она. — У тебя все «не связано с тобой».

Лена быстро застегнула плащ.

— Знаешь, — добавила она уже холодно, — Ты зря думаешь, что здесь самый честный. Очень зря!

Потом она развернулась и пошла к выходу.

У двери Лена снова остановилась.

— И да, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты действительно слишком много на себя берёшь.

Дверь закрылась.

Артём так и остался стоять посреди кабинета, чувствуя странную смесь усталости и отвращения — не к Лене, конечно, а к ситуации в целом.

Потом он сел обратно. Экран продолжал светиться, программа работала.

— Какой-то бред! Это уже не сможет быть случайностью. Это точно была попытка меня остановить. — признал наконец Артём.

Прийдя к этому выводу, он несколько секунд сидел неподвижно. Потому, что всё наконец сложилось в единый пазл.

Потом Артём посмотрел на экран. Индикатор медленно двигался, отмечая сбор данных. И вот теперь результат не заставил себя долго ждать. Он только собрался отойти за кофе, когда вдруг заметил это.

Несколько параметров просто исчезли на долю секунды. Перестали существовать — как будто их вырезали из реальности. А потом появились снова, ровно с тем же значением, что и до этого. До последнего знака после запятой.

— Так не бывает! — сказал Артём сам себе.

Но картина повторилась. И не раз. Слишком регулярно и методично чтобы в этом не было никакой системы.

— Ты не ошибся, — сказал он сам себе наконец.

Это был не инцидент в привычном смысле. Ничего не ломалось. Это не была аномалия. Ничего не «происходило». Просто в какие-то моменты часть реальности исчезала. Как если

бы кто-то на секунду выключал свет в комнате, а потом включал обратно, ничего не тронув внутри.

Артём почувствовал, как по спине прошёл холод. Это было ещё хуже, чем вчера. Вчера можно было хотя-бы сомневаться. Сегодня — уже нет.

Артём спешно сохранил данные. От нервного напряжения задрожали руки.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь посмотрим, что будет дальше.

Но ничего посмотреть он уже не успел. Экран моргнул. Программа зависла, индикаторы застыли, курсор замер.

Артём выругался, потянулся к клавиатуре и в этот момент остановилось вообще всё. Не только программа. Шум серверов исчез. Экран погас. На секунду в офисе стало темно. А потом свет вернулся. Монитор включился. Система загрузилась. Всё выглядело так, как будто ничего не было.

Но уже не было и его программы. Логов тоже. И конечно никаких данных.

Артём медленно откинулся на спинку кресла. Сердце билось как бешеное. Он посмотрел на часы. Прошло меньше минуты. Теперь не оставалось никаких сомнений. Это было явным вмешательством. И очень быстрым.

— Значит, вот вы как! — сказал он тихо. — Раньше вы хотели, чтобы я отказался сам, а теперь поняли, что я не отступлю?

Артём встал, собрал вещи и пошёл домой. Уже в коридоре он остановился и оглянулся. Офис выглядел как обычно. Тихий. Безопасный. Почти уютный.

— Ладно, — сказал Артём. — Теперь все по-честному.

Часть вторая Гнев Глава четвертая

Утром, войдя в офис, Артём сразу почувствовал разницу с тем, что было вчера. Вчерашний день был наполнен вниманием людей, а сегодня Артём будто стал прозрачным.

Лену он заметил издалека. Она стояла у своего стола, что-то листала на экране, и выглядела... как всегда. Артём подошёл к ней медленно, как к месту, где может сработать мина.

— Доброе утро, — сказала она первой и улыбнулась.

Улыбка была лёгкая, обычная Ленина улыбка к которой он привык за эти годы.

— Доброе, — ответил он.

— Ты видел письмо от клиентов? Там уточнение по срокам.

— Да, гляну сегодня.

— Отлично.

Она кивнула и снова повернулась к экрану. Ни паузы, ни взгляда, ни намёка на вчерашнее.

Из кабинета выглянул Сергей Владимирович.

— Артём, ты здесь? — сказал он вполне дружелюбно. — Хорошо.

Сказано было легко и ровно, без подтекста. Как будто вчерашнего разговора не было или он остался где-то за скобками и даже вспоминать о нём не стоит. Сказал и исчез за дверью.

Ощущение было такое, будто Артём стоит в комнате, где переставили мебель, но так аккуратно, что невозможно доказать, что она вообще стояла иначе.

Всё, что произошло ночью, осталось только в его памяти.

Вадим был на месте. Сидел за столом, слегка ссутулившись, уткнувшись в экраны и щёлкал мышью, прокручивая что-то длинное на одном из них. На Артёма он сначала даже не посмотрел — кивнул, не отрывая взгляда от работы.

— Что там у тебя? — спросил Вадим нетерпеливо.

Артём закрыл за собой дверь, подошёл ближе, и постоял, собираясь с мыслями.

— Вадим, — сказал он. — Я вчера проверял одну свою догадку. И... она подтвердилась. Я получил доказательства того, что в системе есть внешнее вмешательство.

Оно может менять данные задним числом. Стирать информацию, или подменять так, будто её вообще никогда не существовало.

Вадим смотрел на Артёма, не перебивая. Взгляд стал другим — задумчиво рассеянным.

— Ты уверен? — спросил он наконец.

— Абсолютно. Либо у меня полноценный психоз с галлюцинациями, либо это действительно было.

— Что именно произошло? — спросил Вадим.

Артём коротко пересказал.

По мере того, как он говорил, лицо Вадима менялось. Оно стало серым, будто кровь отхлынула. Он перестал смотреть на Артёма и теперь глядел на собственные руки.

Когда Артём закончил, повисла пауза.

— Что ты от меня хочешь? — спросил Вадим хрипло.

Таким Артём видел Вадима впервые.

— Я хочу, чтобы ты помог мне это зафиксировать, — сказал Артём. — Если кто-то и сможет собрать данные так, чтобы их нельзя было стереть, так это ты.

Вадим резко поднял голову, посмотрел в глаза Артёму и тут же отвёл взгляд.

— Нет, — быстро ответил он.

— Нет? — переспросил Артём.

— Нет, — повторил Вадим. — Я не буду этим заниматься.

Артём почувствовал, как внутри все обрывается.

— Вадим, — сказал он. — Я понимаю, как это звучит.

— Да дело не в том, как это звучит, — перебил Вадим.

Он встал, прошёлся по кабинету и остановился у окна.

— А дело в том, что ты рассказываешь! Ты думаешь, я считаю тебя сумасшедшим? — продолжил он. — Нет, я не буду этим заниматься, именно, потому что ты можешь оказаться прав.

— Пойми, — продолжил Вадим. — Если ты ошибаешься — это неприятно. Но если ты прав... это катастрофа.

— Почему? — спросил Артём. — Мы же можем.

— Потому что мы ничего не можем! — резко ответил Вадим. — Именно в этом-то всё и дело.

Он подошёл поближе и понизил голос:

— Ты хочешь понять, ты хочешь доказательств. А я — не хочу даже знать этого!

Артём почувствовал, как в душу возвращается ночное раздражение.

— То есть тебе проще сделать вид, что ничего не происходит? Даже если это влияет на всё?

— Особенно если это влияет на всё!

Вадим устало потер лицо ладонями.

— Слушай, Артём. Допустим на секунду, что ты прав. Что существует нечто, что может переписывать реальность. Судя по твоему рассказу, оно даже может управлять людьми. А теперь скажи, что ты собираешься с этим делать?

Артём открыл рот — и не нашёл ответа.

— Вот именно, — тихо сказал Вадим.

Он сел обратно.

— Я предпочитаю жить в мире, где у меня есть хотя бы иллюзия контроля. — продолжил Вадим. — Я тебя уважаю. Честно. Ты всегда можешь прийти ко мне с рабочими вопросами. Но в это я не полезу.

Артём почувствовал отчаяние.

— То есть ты выбираешь незнание?

— Я выбираю не воевать с тем, что сильнее меня. — ответил Вадим. — Там, где мы ничего не можем, мы ничего не должны хотеть.

— Понятно, — сказал Артём и повернулся к двери.

— Артём, — окликнул его Вадим. — Я правда желаю тебе добра.

Артём вышел, не оборачиваясь.

В коридоре, ему показалось, что пространство вокруг стало пустым.

Артём прошёл к кулеру. Вода была холодной и безвкусной. Как будто и она была здесь только для видимости.

Он сделал это почти машинально. От злости. Задача была слишком простой, чтобы тратить на неё больше пяти минут. Подтвердить, поставить галочку и закрыть. Но Артём на этом не остановился. Сказалось накопленное за последние дни раздражение. Он внимательно пересмотрел данные и нашёл ничего не значащую несостыковку. А потом зафиксировал — есть расхождение, возможна ошибка, требуется дополнительная проверка.

Сергей Владимирович прибежал к нему сразу же. Встал у стола, посмотрел в монитор, а потом на Артёма. На лице его было удивление. Неприятное и настороженное.

— Ты хоть понимаешь, что ты сейчас сделал? — спросил он устало.

Артём пожал плечами.

— Нашёл несостыковку.

— Тебя просили только подтвердить! — сказал начальник. — Просто подтвердить! А теперь с этим разбираться неделю!

Он махнул рукой и ушел.

Артём кивнул. Формально он был прав, и придрататься было не к чему. Внутри у Артёма было тихое, почти детское удовлетворение. Ощущение, что он хоть как-то выместил раздражение. Пусть и на статистах, но выместил.

Из офиса Артём вышел позже обычного. Стемнело. Воздух был сырым и холодным.

Когда он подошёл к метро его окликнули.

— Молодой человек, можно вас на минутку?

Двое полицейских. Один, который это сказал — невысокий мужчина, с усталым лицом. Второй, помоложе, стоял чуть в стороне.

— Пройдёмте, пожалуйста, — сказал позвавший. — Нужно уточнить парочку моментов.

— В чём дело? — спросил Артём внешне спокойно, хотя внутри сразу появилась неясная тревога.

— Поступила ориентировка, — сказал полицейский буднично, как будто извиняясь за беспокойство. — Недавно здесь было ограбление. По описанию вы подходите. Нужно проехать, разобраться.

— По какому описанию? — спросил Артём.

— Ну... — полицейский неуверенно посмотрел на напарника. — Высокий. В тёмной куртке. Пройдёмте, просто проверим документы.

По дороге полицейский говорил о погоде. О том, что весна в этом году странная. О том, что смены длинные, а людей не хватает. Он говорил много, но ни о чём, иногда оглядываясь на Артёма в зеркале заднего вида, и как будто проверяя, не заскучал ли.

Артём слушал вполуха. Всё это выглядело слишком буднично и спокойно. Если бы на него кричали, угрожали — было бы понятнее. А так создавалось ощущение, что его просто временно изъяли из жизни, как вещь, переложив с одного места на другое. Никакой злобы или агрессии. Скучающие лица людей занятых грубым и плохо оплачиваемым делом.

В отделении было тепло и пахло свежей масляной краской. Артёма посадили на лавку у стены, попросили документы. Старший что-то записывал, задавал вопросы, не имевшие друг с другом никакой связи. Артём отвечал, глядя в пол, и старался не думать о времени. Часы на стене тикали почти демонстративно громко.

— Где работаете?

— Далеко ли живёте?

Полицейский говорил спокойно, даже дружелюбно. Иногда отвлекался, обсуждая с коллегой какую-то мелочь. Его молодой напарник зевал, смотрел в телефон.

Всё происходило так, будто Артём оказался здесь неожиданно и случайно, по какой-то нелепой ошибке, и теперь всем от этого немного неловко.

В конце полицейский, который его привёз, бросил:

— Ничего, сейчас разберёмся.

И исчез.

Час тянулся за часом. Было ощущение что про Артёма просто забыли. Никто ничего не спрашивал и ничего не объяснял.

Артём сидел и понимал, что это не ошибка. Это предупреждение. Демонстрация могущества того, с чем он связался. Чтобы понял — законы на него больше не распространяются.

Когда ему наконец сказали, что он может идти, шел двенадцатый час ночи.

— Не вы, — сказал полицейский, не поднимая глаз. — Бывает. В следующий раз будьте внимательнее.

Артём не стал спрашивать — к чему внимательнее. Он просто кивнул и вышел, не прощаясь.

Ночь была тёплой, почти уютной. Город снова выглядел нормальным. Метро уже работало в ночном режиме, редкие машины проезжали мимо, оставляя за собой шорох шин по мокрому асфальту.

Но внутри у Артёма что-то окончательно сдвинулось. Он шёл медленно, будто тело ещё не поняло, что его отпустили. Движения были чуть осторожнее, чем обычно, как после долгой болезни — всё вроде бы в порядке, но внутри постоянно ожидаешь подвоха.

Артём спустился в подземку и доехал до своей станции.

Двор встретил привычной темнотой, знакомыми силуэтами домов, жёлтым светом фонарей. Дома Артём включил свет, разулся и прошёл на кухню. Поставил чайник — по привычке, хотя чай пить не хотелось. Руки до сих пор слегка подрагивали. Он поймал себя на том, что прислушивается — не к звукам, а к новому ощущению, будто за ним наблюдают.

— Паранойя, — сказал Артём вслух и усмехнулся.

Было чувство что сегодняшний день стал для него чем-то вроде экзамена, о котором его не предупреждали. И который он, кажется, сдал не так, как ожидалось.

А дальше будет еще сложнее. Впереди наверняка будет ещё давление. Более тонкое. Или, наоборот, более грубое. А потом ему будут снова подсовывать привычное. Давать возможность вернуться.

Было ясное и неприятное ощущение, что он теперь живёт в мире, где за каждым его шагом может последовать ответ. Не обязательно сразу, но обязательно точный и болезненный.

Глава пятая

Артём уже собирался нажать на выключатель, когда в двери что-то щёлкнуло. Щелчок замка, совершенно невозможный для такого позднего времени. Он замер, прислушиваясь. В следующую секунду дверь открылась от несильного, но уверенного толчка.

— Артём.

Он не успел обернуться. Тёплые пальцы легли на глаза, легко, шутливо, как кладут их, когда уверены, что тебя узнают сразу. От её ладоней пахло чем-то свежим, дорожным, с примесью чужого воздуха, не этого вечера, и не этого города. Артём коротко и глупо рассмеялся — сам от себя, не ожидая.

— Угадай, — сказала она и тут же рассмеялась, не выдержав паузы.

— Света! — прошептал Артём даже радостнее, чем хотел.

Он развернулся слишком резко, едва не сбив Светку с ног, и она оказалась прямо перед ним — облако рыжих вьющихся волос, чуть уставшие зеленые глаза, и улыбка, которая всегда появлялась раньше слов.

— Ты... — выдохнул Артём и только потом понял, что улыбается как дурак. — Ты что здесь делаешь?

— Приехала, — ответила Света, — А что, не видно?

Всё, что последние дни сжимало и давило, вдруг отпустило и растворилось само по себе. Он шагнул ближе, обнял, прижал её, слишком крепко, так, что Светка тихо засмеялась и уткнулась ему в плечо.

— Ты меня сейчас раздавишь! А я с дороги, между прочим.

— Господи... Как же я рад, что ты приехала!

— Вижу, — она отстранилась чтобы заглянуть в ему глаза. — Скучал?

— Ты даже не представляешь как, — честно ответил Артём.

Она сняла куртку, повесила её на спинку стула, как будто давно была здесь, будто не было расстояния, разделявшего их последние недели. Потом шире раскрыла сумку, и вынула из нее пакет, который он только сейчас заметил.

— Это тебе, — сказала Света и протянула, держа двумя руками.

Она любила делать подарки. Пакет зашуршал громко, почти вызывающе.

— Ты ещё и с подарком, — Артём покачал головой. — Ты издеваешься?

— Нет, я просто компенсирую своё отсутствие. Меня Галка в самолёт буквально записала. Сказала: «Лети, пока не передумала».

— Так ты из поездки сразу сюда?

— Ага. Вернулась раньше. Хотела позвонить... Потом решила — нет, так лучше.

— С ума сошла! — сказал Артём.

— Возможно, — ответила она и улыбнулась. — Но ты бы видел своё лицо.

Он снова шагнул к ней, обнял и уткнулся носом в волосы. Запах был совсем не домашний — солнце, чужой шампунь, и что-то ещё, незнакомое. Артём закрыл глаза.

— Подожди, — сказала Света, отстраняясь. — Дай мне хоть руки помыть, я весь день в дороге.

— Ладно, — Артём с трудом отпустил её. — Но ты никуда не денешься.

— Надеюсь, — бросила она уже через плечо, уходя в ванную.

Он остался стоять посреди комнаты, слушая, как за стеной шумит вода, и опять поймал себя на том, что впервые за долгое время просто стоит расслаблено, не думая ни о чём конкретном. Ни о работе, ни о проблемах, которые не давали покоя, ни о странном ощущении, что всё время плывет против течения. Всё отступило.

Когда Света вернулась, с полотенцем вытирая мокрые волосы, Артём уже доставал из холодильника бутылку вина.

— Чай? — шутливо спросил он, не оборачиваясь.

— Дурак! Вино, — она рассмеялась. — Сегодня, конечно, вино.

Он нашёл фужеры, налил и поставил один перед Светой. Нарезал кубиками сыр, лежавший в холодильнике. Потом они сидели за столом друг напротив друга, и просто смотрели, будто проверяя реальность происходящего.

— За тебя, — сказал Артём.

— За нас, — ответила Света и легко чокнулась с ним.

Вино было слишком холодным, и Артём заметил, как она слегка вздрогнула, сделав первый глоток. Потом заговорила о дороге, соседке в самолёте, о том, как Галка всё перепутала с датами, а всё он слушал и ловил себя на том, что улыбается каждому её слову. Перебивал, шутил в ответ, рассказывал какие-то пустяки, которые в другой вечер счёл бы неважными, и чувствовал, как разговор сам собой становится все легче и свободнее.

Потом Артём подошёл к ней ближе, а когда она засмеялась, наклонился, и поцеловал в мочку уха, а потом в щёку. Света повернулась к нему, на секунду задержав взгляд.

— Я скучала, — сказала она тихо.

— Я тоже, — ответил Артём сразу, не задумываясь.

Комната вокруг будто сразу стала меньше. Всё лишнее исчезло, осталось только ощущение близости, простоты и того, что не нужно объяснять. Он подумал, что давно не чувствовал себя так спокойно и правильно, когда все на своём месте, пусть и ненадолго.

Потом они лежали рядом, почти не касаясь друг друга, но чувствуя тепло — как это бывает, когда близость уже случилась и теперь не требует никаких подтверждений. В комнате было темно, и только полоска света от фонаря за окном протянулась по потолку. Светка лежала на боку, подперев голову рукой и водила пальцем по его груди, будто рисовала знаки, понятные лишь ей одной.

— Ты сегодня какой-то другой, — сказала она после долгой паузы.

— В смысле? — Артём не открыл глаза, но напрягся.

— Не знаю, — она продолжила, пожав плечами. — Как будто ты всё время не здесь.

— Извини. Тяжёлая неделя.

— У тебя всегда тяжёлая неделя, — ответила Света укоризненно. — Или месяц. Или год.

Артём открыл глаза и начал смотреть на неё. В полумраке лицо казалось совсем другим — не тем, дневным, весёлым, а более серьёзным и собранным.

— Просто... — начал Артём и замолчал.

— Что? — она подняла брови. — Говори.

— Я, кажется, влез во что-то странное, — сказал он наконец.

Она перестала водить пальцем, но руку не убрала.

— Это связано с работой? — уточнила Света.

— Да, но не совсем, — Артём задумался, подбирая слова.

— Я просто... — усмехнулся, коротко, без веселья. — Увидел что-то там, куда не принято заглядывать.

Света приподнялась на локте и посмотрела на него внимательнее.

Артём рассказал, что сначала всё выглядело как мелочь, на которую можно было махнуть рукой, а потом — как ошибка. Но в конце концов стало понятно, что это не ошибка и не случайность. Что каждый раз, когда он пытается разобраться, что-то будто бы мягко, но настойчиво говорит ему: «не надо».

— Напрямую, никто не запрещает. Просто делают вид, что этого нет.

Артём говорил негромко, спокойно, не жалуясь. Как о чём-то неприятном, но ещё не опасном.

— И больше всего меня злит то, — сказал он после долгой паузы. — Что, все ждут от меня правильного поведения, без вопросов и рассуждений. А я... я так не умею.

Он замолчал, проверяя, не перегнул ли.

— Артём, — сказала она тихо. — Ты сейчас говоришь будто собираешься раскрыть мировой заговор.

Он усмехнулся, но улыбка не удержалась.

— Я знаю, как это звучит, — сказал Артём. — Но чувствую, что, если отступлю, потом себе не прощу.

— И что именно ты не сможешь себе простить? — спросила Света.

— Что испугался, сделал, так как от меня ждут, а не так, как хотел.

— Артём... а зачем тебе это? — спросила она. — Ну вот если честно.

Он помолчал. Света медленно убрала руку.

— Тебе обязательно всегда идти против? — продолжила она. — Нельзя просто... жить?

Артём повернулся на спину и уставился в потолок.

— В этом-то и проблема, для меня это и есть — жизнь. Понимать, что происходит. Не закрывать глаза.

— А я? — спросила Света после паузы.

Артём повернулся к ней снова.

— А что ты?

— Я в твоей картине мира где? — голос оставался спокойным, но что-то в нём изменилось. — Между «понять, что происходит» и «не закрывать глаза»?

Он нахмурился.

— Ты из чего делаешь этот вывод? — спросил Артём. — Я не говорю, что ты мне не важна.

— Ты не говоришь, — согласилась Света. — Ты вообще много чего не говоришь.

Артём сел на кровати и потёр лицо руками.

— Слушай, — сказал он. — Я всё понимаю, но сейчас не лучший момент для этого разговора.

— А когда будет лучший? — она тоже приподнялась, опершись на кровать. — Через год? Через два? Мы с тобой третий год вместе, Артём.

Он промолчал.

— Ты хоть понимаешь, — продолжила Света, — Как это выглядит со стороны? Ты всё время чем-то занят. Ты всё время в своих мыслях. А я... будто временное увлечение.

— Это неправда, — резко ответил Артём.

— Тогда почему мы до сих пор «как будто»? — спросила Света. — Почему ты ни разу не сказал, что дальше?

Артём замялся, и она сразу это заметила.

— Вот, — сказала Света тихо. — Именно об этом я и говорю.

— Просто брак — это серьёзно, — начал Артём. — Это не то, что делается потому, что «пора».

— А я, по-твоему, хочу брака, потому что «пора»? — в глазах блеснуло Светы раздражение.

— Я не это имел в виду.

— А что ты имел в виду, Артём? — голос стал жёстче. — Что я могу подождать? Что мне некуда торопиться? А то, что мои женские «часики тикают», как говорит моя мама, — это ерунда?

— Я не могу ждать бесконечно, — сказала она. — Я хочу нормальной жизни. Семьи. Детей. Я не хочу жить в постоянном «потом».

Артём поморщился.

— Не начинай, пожалуйста.

— Ты сам первый начал, — ответила Света. — Ты говоришь, что тебе важна свобода. Но когда ты говоришь о свободе, о выборе... у меня возникает ощущение, что ты выбираешь всё что угодно, кроме меня. И свобода тебе нужна именно от меня.

Она рассмеялась, коротко и зло.

— Всегда, если тебе что-то важно, всё остальное становится лишь фоном. Люди, отношения, планы. А я должна подождать, пока ты закончишь спасать мир.

— Я не мир спасаю, — сказал Артём раздражённо. — Я просто не хочу жить по чужим правилам.

— Все живут по каким-то правилам, Артём, — ответила Света. — Все. И ничего, как-то справляются.

— Ты правда не понимаешь? Они хотят, чтобы я сделал вид, что всё нормально.

— А может, это и правда нормально? — тихо спросила она.

Повисла пауза.

— Ты правда считаешь, что ты один такой особенный? Что все вокруг спят, а ты один проснулся?

— Я так не говорил...

— Да ты именно так и говорил, — перебила его Света. — Что у тебя принципы. А у всех остальных тогда получается — их нет.

Она встала и начала одеваться, резкими, неровными движениями.

— Знаешь, мне все подруги говорили: «Если бы он тебя действительно любил, давно бы предложил выйти замуж».

Артём молчал.

— А я ждала, я правда ждала. Надеялась. Думала, что это просто твой характер, твоя работа, сложности.

— Мне пора, — сказала она наконец.

— Сейчас? — Артём шагнул к ней.

— Да, пока я ещё могу уйти сама. Не хочу ждать, пока ты решишь, что для тебя важнее — я или очередная битва с ветряными мельницами.

Она взяла сумку и остановилась в дверях.

— Ты хороший, Артём, — сказала Света уже тише. — Просто, мне кажется, что ты не для меня.

Дверь закрылась без хлопка. В комнате стало пусто. Артём сидел на кровати, чувствуя, как тепло, которое было здесь недавно, уходит. Медленно, но окончательно.

На следующий день, неожиданно для себя, Артём поехал к матери. Позвонил стоя у подъезда.

— Мам, это я.

— Артём? — она удивилась и тут же обрадовалась. — Заходи, заходи конечно. Я дома.

Дверь открыла почти сразу. На маме был домашний халат, аккуратно застёгнутый, волосы убраны, губы чуть подкрашены — она всегда старалась выглядеть «прилично», когда он приходил.

— Проходи, — сказала мама улыбаясь.

Она обняла Артёма крепко и чуть неловко, как обнимают тех, кого не ждали, но кому очень рады.

— Ну как ты? — спросил Артём, разуваясь. — Как себя чувствуешь?

— Нормально. Давление правда вчера, подскочило, но это ерунда.

Артём сразу насторожился.

— Ты таблетки регулярно пьёшь?

— Конечно, — мама кивнула. — Я же не маленькая.

— Точно пьёшь?

— Точно-точно, — улыбнулась она. — Я вчера как раз в аптеку заходила. И в магазин.

У меня всё есть, не переживай.

Это «не переживай» прозвучало как оправдание — как будто они играли в игру, где он уже был не сыном, а родителем.

Они прошли на кухню.

Всё было на своих местах: кружки, полотенце, магнитики на холодильнике. Он сел, и мама поставила чайник.

— Ты похудел, — сказала она, не глядя на Артёма.

— Да вроде нет.

— Нет, похудел. Плохо питаешься.

Он хотел возразить, но не стал.

— А у нас тут новости, — продолжила она, доставая печенье. — Соседка наша, Людмила Петровна, опять всех на уши подняла. Представляешь, предлагает перед подъездом цветник разбить. Собрание собирает.

— И что?

— Да что «что», — фыркнула мама. — Кому он нужен, этот цветник? Лучше бы трубы поменяли.

Она села напротив, разлила чай.

— А мне дядя Серёжа вчера звонил, — добавила между делом. — Из Пензы.

— Как он?

— Да нормально вроде. У них Танечка замуж вышла.

— Серьёзно?

— Ага. А у Андрюши сын родился. Еще зимой.

Артём кивнул уже не слушая.

— Мам, — сказал Артём, чуть помедлив. — Я хотел с тобой поговорить.

Она внимательно посмотрела на него.

— Что-то случилось?

— У меня сейчас... странная ситуация. На работе. Я столкнулся с вещами, которые... ну, которых не должно быть.

— В каком смысле? — спросила она, но без особого интереса, уже потянувшись к печенье.

— В прямом. Я обнаружил странное влияние. Может быть даже не человеческое. И мне сейчас активно мешают этим заниматься.

Она кивнула, жуя.

— Мешают — это всегда неприятно, — сказала мама. — Но ты сильный, справишься.

Он нахмурился.

— Мам, у меня позавчера данные стерлись. Доказательства. Не по моей вине.

— Это техника сейчас такая, — сказала мама будто не понимая, о чём он говорит. —

Всё ломается.

— Ну не так же, — начал объяснять Артём. — Не за минуту. И не выборочно.

Она пожала плечами.

— Всё бывает.

— Мам, ты не понимаешь. Это не просто «мешают». Это... — он поискал слова. — Это как будто меня пытаются убедить, что я ошибся. Делают из меня идиота.

— Ну зачем сразу «идиота», — мягко сказала мама. — Просто ты, наверное, слишком глубоко в это погрузился.

— Я погрузился глубоко, потому что для меня это важно.

— Почему? — спросила она спокойно.

Он замолчал на секунду.

— Для меня, это важно, потому что это касается моего права понимать, как всё вокруг устроено, — сказал Артём.

Она посмотрела на него с лёгкой улыбкой — той самой, снисходительной, материнской.

— Артём, — сказала мама, — Ты опять начинаешь все усложнять.

— Мам, я тебе сейчас говорю о вещах, которые могут быть опасны.

— Для кого?

— Для меня.

Она вздохнула.

— Сынок, ты фантазируешь. Ты всегда был фантазёром. Умным, да. Но фантазёром. У тебя стресс. От работы. Ты же работаешь без выходных, я знаю.

— Ты просто меня не слышишь — Артём заводился все сильнее.

— Я слышу, — ответила мама спокойно. — Но я не вижу в чем тут проблема.

Он посмотрел на неё внимательно.

— То есть это для тебя не проблема?

— Нет, — честно ответила мама. — Для меня проблема — это здоровье, семья, одиночество. А это... работа.

И тут же добавила, будто вспомнив:

— Кстати, Артём, я тебя хотела попросить. У меня пульт от телевизора барахлит. Ты посмотришь?

Он замер.

— Мам, — Артём говорил медленно чтобы стало понятно — Я тебе сейчас говорю о вещах, которые для меня важны. От которых зависит моя работа, безопасность, жизнь в конце концов! Ты это понимаешь?

— Понимаю, — ответила она рассеянно. — Но пульт правда плохо работает.

Он почувствовал, как в нём что-то обрывается.

— Ты сейчас серьёзно? — спросил он, уже не скрывая раздражения. — Я тебе говорю про угрозу, а ты про пульт? Ты меня хоть слышишь?

— Я слышу, — сказала мама чуть обиженно. — Просто ты слишком драматизируешь.

Он встал.

— Мам, ты вообще мне веришь?

Мама смотрела на него долго.

— Я верю, что тебе кажется, что это важно, — сказала она наконец.

Эти слова ударили сильнее, чем прямое «нет». Артём медленно кивнул.

— Понятно. Извини, — сказал он уже тише. — Я, наверное, зря сорвался.

Она тут же оживилась.

— Ну конечно зря, — сказала с облегчением.

Он надел куртку.

— Ты уже уходишь?

— Да.

Она подошла, поправила ему воротник.

— Шапку надень, холодно.

— Мам...

— Надень, надень.

Он вышел, и аккуратно закрыл за собой дверь.

На лестнице было тихо. Он спускался и думал о том, что для неё он навсегда остался мальчиком — мальчиком, которому можно подарить игрушку, которого нужно накормить, но мальчиком чьи страхи, обиды и сражения никогда не бывают настоящими.

Глава шестая

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.